
ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ ЗЕМНОГО БЫТИЯ: «ЗНАНИЕ» И «СО-ЗНАНИЕ»

А.И. Неклесса

Институт Африки РАН

Стрекозой навсегда ль обернется личинка?

Эпос о Гильгамеше

История может быть осознана как совокупный опыт человечества по осознанию бытия. В процессе истории происходило становление, усложнение сознания, меняется типология мышления, прежде всего – базовая концепция хронотопа. В статье рассматриваются шесть типов мышления: рефлекторное, синхронистичное, векторное, синергичное, эклектичное, антургенное, каждое из которых предполагает свою формулу обустройства бытия, мировоззрение, культурную, правовую, политическую, экономическую регуляцию практики. Подчеркивается роль «великого перелома».

Ключевые слова и фразы: сознание, мышление, хронотоп, время, будущее, античность, христианство, история, цивилизация,

Опознание настоящего

Роберту Музилю принадлежит сентенция: «*Ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей*». Трансформация существующего в возможное, а возможного в действительное нередко ограничена оценкой пределов вероятного. Прочтение реальности неадекватно реальности, но для человека, обитающего в пространствах житейского опыта, то есть прошлого, первое доминирует над вторым. Ситуацию можно сравнить с наблюдаемым звездным небом, отражающим уже несуществующее положение вещей.

Проблема адекватного прочтения реальности в том, чтобы в *текущем* увидеть *настоящее*, которое есть *будущее* в коросте *прошлого* – удерживаемого «омозоленным» сознанием – то есть *нынешнего*. Иначе говоря, востребованным оказывается умение видеть неочевидный, неописанный, неосвоенный ландшафт. Это напоминает уникальную компетенцию Вия, способного видеть в мире живых то, что недоступно обычным духам. Также и живым важно обладать качеством «видения и различения духов», а в сфере практики – опознания социогенов будущего, присутствующих в калейдоскопе текущей реальности.

Сложность ситуации, однако, не исчерпывается данной проблемой. Речь шла о способности выделять из обыденного перспективное. И производить на этой основе *ангрейд* настоящего, то есть проектировать и реализовывать желательный образ *будущего*. Однако зазор между способностью воспринимать реальность и реальностью *perse* скрывает потенциал девиаций

социокосмоса, включенного в сложные взаимоотношения с космосом физическим и метафизическим. То есть возможность вторжения в обыденность *иного*, причем подчас катастрофическим образом, ломая последовательность стратегии и линейную логику перемен. Не случайно присутствие в лексиконе определения реальности, обретаемой с потоком времени, с несколько иными коннотациями: *грядущее*.

Таким образом, мы существуем в расщелине между двумя прочтениями настоящего настоящего: как будущего и как грядущего.

Из разбора ситуации можно сделать несколько существенных выводов: проблема стратегического планирования связана не только с определением наиболее *эффективного пути* к намеченной цели, но также с *динамическим статусом самой цели*, подвижностью целеполагания при планировании действий на долгосрочную перспективу. Другими словами, мы все сильнее втягиваемся в необходимость познавать, действовать, управлять в ситуации серьезной неопределенности. В этой связи приходит на ум весьма неординарное высказывание Андрея Колмогорова про гидродинамическую турбулентность: «*Не ищите там теорем. Их нет. Я ничего не умею выводить из исходных для этой теории уравнений Навье-Стокса. Мои результаты об их решениях не доказаны, а верны – что гораздо важнее всех доказательств*», – хотя на сегодняшний день это звучит, скажем так, чересчур экзотично...

Данный конфликт (а это именно конфликт двух версий понимания будущего, его двойственной природы) предполагает комплексный подход, так сказать индуктивно-дедуктивный, к постановке и решению сложных практических задач, а в более общей форме – принципиально диалоговый характер стратегического планирования. Или, проще говоря, позитивное отношение к перманентно-конфликтной его природе, желательна не переходящая в деструктивную фазу и тем более в неурядицы между субъектами стратегического планирования (межличностные отношения в ситуации нарастающей неопределенности – это другой интересный аспект проблемы). Выбор же доминантной позиции: *усовершенствование имеющегося* или *освоение иного* – определяется в конечном счете персональной установкой: соотношением между градусом амбиции и допустимым уровнем риска. В каждом же конкретном случае существует количественный и качественный предел, который позволяет констатировать, чему отдано предпочтение: *агррейду* или *преадаптации*.

При обустройстве внутри сложившегося зона с устоявшимся сочетанием политических, экономических, культурных практик предпочтение, как правило, отдается усовершенствованию существующего, то есть оптимизации имеющегося. В период транзита между эпохами, то есть кризиса будущего – преадаптации.

Дорожная карта цивилизации

Будущее – особое пространство: существует исключительно в потенции, меряется разной мерой, обладает оригинальными атрибутами. Даже время – субстанция, казалось бы, органичная для данной категории – проявляется и понимается несхожим образом, да и течет для разных субъектов с разной скоростью. Перемены – синкопы живой тектоники в засушливых землях практики, чья телесность предопределена конъюнктурой цен на кровь, сырье, урожай; творчество – не слишком предсказуемая, но улавливающая помехи нить осциллографа; наследуемое прошлое – истрепавшийся каталог проб и ошибок.

Стандарты тактичного (тактического) поведения предписывают признание прав на занятые территории, закрепляя иллюзию единоверия в стилистике «чья область, того и вера». История, однако, не есть искусство чтения меню, ее добродетели подобно пифии воркуют на языке нематериальных обязательств, творимых ежеутрене и ежевечерне, в горе и радости, в дерзновении и суете. Геополитические композиции рождаются, дряхлеют, порой деградируя в инвалидов; формулы же, доказавшие жизнеспособность, кодифицируются в соответствии с весом и влиянием, будучи отмыты от грязи, набело переписаны и увенчаны овацями в чертогах практики. Трансграничная сумма сообществ склонна конституировать организмы любой этиологии, сообразуясь с градусом успеха, оттесняя на обочину старый порядок, поменяв заодно по ходу матча правила игры.

Характерная для анналов и хроник территориальная экспансия, непременная фиксация результатов сменяются дисперсией инициативных пылинок, празднующих в стиле торнадо проницаемость административных границ. Обретаемый в облачных чертогах *magisterium* сродни цветению зари – сиянию искр, полыхнувших на кромке высотной границы: это огонь запечатанного Великого океана – субстанции, освобождающейся от предметных или иных ограничений.

Дорожная карта обрывается на кромке карты географической. Прежнее общество оказалось исторгнутым из истории, чтобы бытие имело смысл, а на пунктирной траектории цивилизации обозначилась точка сингулярности, чреватая Большим социальным взрывом.

* * *

Координаты практики, коллективное прочтение реальности – среда обитания знания: *со-знание*, его доминантная форма. В ней также обретается критический фермент, своего рода соглядатай, диверсант – тяга к обретению более полного или же иного бытия.

Миропознание и производимые трансформации – это не только стремление к выживанию, перемены по пути к свободе и совершенству, скорее «крутой маршрут» экзистенции, на этапах которого возникают прогрессирующие и регрессирующие формы сознания: рефлекторное, синхронистич-

ное (аналоговое), диахронное (линейное), синергийное, эклектичное, деструктивное (антургенейное).

Мировидение опирается на процесс постижения/интерпретации жизни и образующиеся при этом формы, входящие в пространство коллективной коммуникации и памяти, эксплицируемые, фиксируемые в разного рода объектах, транслируемые тем или иным образом окружению и поколениям. Житейские скрепы соединяют мировидение с формулами домостроительства, то есть инициируют процесс, который мы называем историей.

Сегодня, конвертируя современность в транзит, мы входим в виртуальный (*virtualis*), но именно поэтому – подлинный (*virtus*) мир, где настоящее сожительство с представляемым, сущее с должным, возможное с запретным, а траектория жизни в заметно большей степени зависит от усилий человека и выбранной позиции. Подобное бытие на разломе предполагает иную модель рефлексии, нежели прежнее понимание ситуаций и методов практики.

Кризис мировидения – источник стремительно накапливающихся неурядиц. Когнитивная растерянность, умножение недостатков катафатической стилистики отчасти амортизируются усложнением методологического аппарата, переосмыслением контракта с экзистенцией, но все это – в предродовом буйстве прорывающихся контртезисов негативной диалектики.

Шанс на исход из сценарных тупиков, однако, не в сумме рефлексивных практик, верифицирующих регуляции сверхсложных, высокоадаптивных систем и рассчитывающих на обретение второго дыхания. И не в форсаже парадоксов/апорий как средств («ноозиаков»), пробуждающих ментальную витальность вплоть до семантической эйфории.

Кардинальное переосмысление исторической и антропологической сценографии, ее перепрочтение и постижение финала возможно лишь при непосредственном вовлечении самого естества деятельного субъекта. Речь, таким образом, заходит о ревизии предельных оснований: переменах в аксиоматике знания и действия. Или, иначе говоря, о радикальной коррекции кодов сознания и смене ориентиров цивилизации.

Обменяв личную судьбу на коллективную историю, люди уже многое знают, но далеко не всё научились понимать.

Дискретный мир

Наиболее архаичная форма сознания, которую можно отчасти реконструировать, изучая под определенным углом археологический материал либо патологические/предельные состояния психики, – это *рефлекторное* мышление.

Некоторое время назад в кинопрокате шел фильм «*Memento*». Популярным он не стал, в том числе поскольку сложен для восприятия, ибо продемонстрировал особую форму мышления: у героя серьезно повреждена память. Он владел общечеловеческими навыками, но текущие события помнил в течение краткого времени. Его существование было *дискретным*.

У архаичного человека был, по-видимому, сходный тип мышления. Будучи не в силах удерживать в мерцающем сознании пространственно-временную карту мира, он вынужденно прибегал к своеобразной автокоммуникации, пересылая себе же обретенные знания посредством знаков, зарубок, меток, оставляемых в окружающей среде и на собственном теле.

Деятельный символизм – род усложненной и отчужденной от создателя коммуникации – превращался в разветвленный, опрокинутый во внешнюю среду знаковый аппарат. Семиотика предшествовала семантике, представляя узорчатую канву «узелков на память» (ср. соответствующую систему письма), сплетенных разными руками: искусную, искусственную стихию, переполнявшую мир. Совокупность собственных и чужих знаков, аккумулирующих знание, перепосылаемое человеком самому себе, прочитывалась как обращение/сообщения иных сил. Сумма автопосланий смешивалась с различного рода прозрениями, обрывками сновидений, их нарастающей интенсивностью, случайной, асимметричной интегральностью (идиоматической молекулярностью), сложным символизмом, иными формами психической активности.

Рефлекторное сознание отражало/выражало экзистенциальное восприятие, сопровождаясь провалами памяти, дефицитом больших смыслов, то есть рефлексивным вакуумом, заполняемым фантазмами и характерной для подобного состояния ума загроможденной бессвязностью бытия. Все это свидетельствовало о полуживотном статусе человека, – мы, наверное, расценили бы сейчас такое состояние как особый вид психической патологии.

На древнейших, хтонических божествах видна роковая тень этого алогизма, хаоса, безумия; не творческая личность, но именно разъятый хаос, родовые воды, океанические пучины прямо или косвенно признаются создателями мифов изначальной субстанцией, дном космогонии, первичным бульоном жизни.

Древнейшая память скорее осязательна, нежели зряча, проявляется в ощущении либо озарении, но не в рефлексии. Она скорее ритуальна, чем мифологична. Здесь источник многозначности знаков, примет, признаков, их полифоничной рациональности – подсознательно накапливаемой суммы однотипных, реплицирующихся столкновений с миром.

По мере удержания, увязывания обрывков пробуждений и ритуальной рефлексии дискретный символизм слипается, сплетается в многоцветный венок сведенной воедино карты бытия.

Сакральная геометрия жизни

Следующая генерация мышления и «упаковка» со-знания заметно устойчивее предыдущей. Она широко представлена в истории, проникает и в современность, но, кажется, недооценена в своей оригинальности и многообразии.

Особенно как специфическая рациональность: средство опознания и удержания целостной картины мира, механизм фиксации причинно-

следственных связей, язык повседневной коммуникации, усеченно используемый/прочитываемый и в наши дни, получив статус «художественного» либо «мифологического» мышления. Этот тип сознания определим как *синхронное* или *аналоговое*, а чтобы избежать упрощения и aberrаций, назовем **синхронистичным**.

Появление подобной формы рефлексии означало преодоление дискретной рефлекторности мыслительного аппарата, обретение устойчивых связей с окружающей средой, то есть долгосрочное удержание целостной композиции. Сознание обращало интуицию в мысль.

Возможно, свою роль в организации сознания, привязке ситуаций/решений к месту и времени (то есть формировании когнитивных координат) сыграли относительная неизменность звездного неба («зодиак»¹), суточного и годового круга («календарь»), физиологических циклов. Кодификация обретаемой картографии проявляется в артефактах, инвариантом является мандала, а также ее ипостаси: знак, символ, ранголи, альпона, мудра, лабиринт. Достигнутая связность фрагментов обозначила шаг от ритуала к мифологии, затем возможность фиксации в символических и архитектурных комплексах, образных системах, сводах толкований полузабытого, мистифицированного опыта, отчасти опознаваемого как значимые перекрестки и семафоры жизни.

Исцеление от рефлекторности, прерывистости бытия одновременно порождало и страх катастрофы: утраты хрупкой целостности (обретенного исцеления), регрессии, возвращения хтонического кошмара. В этом подчас паническом чувстве видится источник избыточной ритуализации аспектов быта, детальной регламентации функций, запечатанности кастовых ковчегов. История культуры, археология сохранили множество манифестаций закрытого мышления: версий топографии не физического (географического), но метафизического ландшафта.

Подобное сознание обладало собственной геометрией жизни, заметно отличной от привычного хронотопа.

Становление замкнутого, цикличного мировидения происходило естественным образом: люди, дабы избежать возврата беспамятства и безумия, избавиться от призраков расколотого мира, подавляющего сознание потопа стихий, стремились всеми доступными средствами удержать связь времен, каталогизируя прошлое, ища скрепы существования в некой изначальной точке.

Человека той поры навязчиво привлекал к себе центр мироздания, лонно происхождения – источник бытия, древо жизни, гора спасения. При этом люди намеренно поворачивались спиной к будущему, чреватому разрушением обретенной устойчивости и воспринимаемому как опасное пограничье: кромешная окраина, зыбкая периферия, край рассеяния, ужас затмения.

¹ В древнейшей, «вавилонской», системе счета структура числового ряда не абстрактно умозрительна, а непосредственно связана с круговращением небесной сферы (прецессией).

К примеру, в аккадском языке категория «прошлое» – *um pani* дословно означает «дни лица/переда». Для человека того времени прошлое – это доминантный маршрут мысли, основное направление взора. От будущего же отворачивались, оно *отвращало*: аккадское «будущее» *ahcratu* – образовано от корня *hr* со значением «*быть позади*», «*замещать*»² [1].

Иначе говоря, будущее воспринималось как отвергаемая, маргинальная – *кромешная* территория, основанием же бытия полагалось прошлое.

В зазеркалье все еще порывавшегося ускользнуть, но уже прочно удерживаемого прошлого отражалось спонтанно прозреваемое, по крупицам (отблескам, осколкам) выстраиваемое псевдобудущее: мифологический, эскапистский и героический пейзаж событий, изъятых из земного круговорота. Населяли пророческое и оргиастическое пространство сверхлюди: хранители прошлого – могучие прародители. В дневном же, внешнем мире будущее не имело образа, ведь облик (имя) давали события. Будущее воспринималось как несовершенное деяние, незавершенная субстанция, необработанный камень, нечто дикое, пугающее, варварское. Его заклинали и огораживали. Человек не стремился в эти призрачные, заполярные земли, несуществующие времена: его там ждали потери, увечье, смерть... Одно из характерных обозначений будущего на аккадском языке – «*дни, что опаздывают*».

Будущее мыслилось как пространство, неподконтрольное людям, полностью находящееся во власти иных, неведомых, однако значительных сил. Оно представлялось «далеким Западом», страной захода и угасания светил, являло не простор для действия, но сумерки бытия, его предел, последнюю границу, непересекаемый рубеж – бескрайний, поглощающий дерзость океан.

Быть может, здесь истоки странного безволия в критических обстоятельствах, порой охватывавшего тех, кому приоткрывались гипотетические обстоятельства смертного часа («*чему быть, того не миновать*»).

При этом карта времени подобно сакральной топографии была тщательно расчерчена и приписана к поименным хранителям: не только каждый сезон или день замкнутого, «круглого» календаря, но даже часы имели поручителей-стражей. Вне русла больших смыслов это подсобное хозяйство загромождало циклический хронотоп, оставаясь бессодержательным, механистичным складом событий: неспешно перемалывая зерна жизни, исчисляя, регистрируя происходящее, оно в сущности не вело никуда³.

² Удивительным образом этот обращенный в прошлое хронологический вектор по-своему присутствует и в современной системе летосчисления для древних (до Рождества Христова) времен.

³ Один из возможных источников ретроспективной психологической/культурной аберрации – наш пристальный интерес именно к религиозным и нарративным текстам «седой» древности. Сталкиваясь по преимуществу с переводами и публикациями данных произведений, мы не замечаем их эксклюзивности в общей массе письменных свидетельств той поры, в ничтожном процентном соотношении документов первой группы к основному корпусу находок: хозяйственных регистраций, разнообразных регламентов, калькуляций, ре-

В рассеянной пассивности время определялось не новизной или предприятями (проектами), а утомительной дурью: бесконечностью повседневности, множественностью реплицированных «дней сурка», его символический образ, сохранившийся в привычной атрибутике вплоть до нынешних дней, определен замкнутостью круга; мера часов и минут – градус. Время обременяло человека и профанировало жизнь. Постоянно переписываемый каталог: инвентаризация бывшего и небывшего – являлся преградой, стеной на пути перемен, каменным небом горизонтальной экспансии. Времени, в сущности, не было, был *срок*⁴.

Генетика древнего хронотопа отчасти присутствует в сознании и сегодня, в чем-то совпадая с архитектоникой сновидений, переходя из путаницы яркого и важного в композицию сложной (ложной) карты космоса как лабиринта. Удивительная пластичность топологии бытия (e.g. плавность соединения сакральной, мифической и опытной, физической версий географии) объяснялась единством, континуальностью «спящей» ментальности и «дневных» ситуаций: жизнь была версией сна, и наоборот.

Конструкция лабиринта, порожденная синкопами практики, вносимыми жизнью в плавный поток видений, имеет между тем существенное отличие от безвременья мандалы: разрыв кольца – намек на возможность исхода из преисподней («табакерки») некрополиса в попытке следовать за скрытым в клубке личин ликом. Или отраженным стенами, умноженным эхом голосом [2].

Совмещение сакральной географии с подвижностью человеческого естества, чреватого кризисами и прорывами, проявилось, к примеру, в архитектуре первгородов-доменов, их пространственной организации, символических и физических сложностях пересечения городской черты (вспомним проблему, возникшую у ахеев с проникновением в лабиринтообразную Троя) и параллельно с этим – пристройке прагматичного, разноголосого *portus*'a⁵.

Но главная особенность синхронистичного сознания: его причинно-следственная логика была аналоговой, «горизонтальной». Весьма разные и на первый взгляд не имевшие ничего общего *со-бытия* были так или иначе – сейчас сказали бы «голографически» – связаны. И связь эта осознавалась подчас как нечто более важное, нежели само событие, воспринимаемое отстранённо, как знак. Представлялось, что о переменах и грядущем надежнее судить по косвенным признакам: приметам либо аналогиям; нам знакомо это состояние ума, мы называем его суеверием.

стров дел и событий. Пропорция добытых на археологических площадках Месопотамии табличек из обеих групп впечатляет. Да и в самой первой группе первенствуют все же скорее магические рецептуры, а не метафизические творения.

⁴ «Слово *adannu*, которое иногда переводят как “время”, означает “срок”, и в смысле какого-то периода времени, и в смысле момента в конце определенного периода» [1. С. 15].

⁵ Следы связи лабиринта с городом сохранились в европейской культуре: лабиринты здесь именовали «Троя» (Западная Европа), «Вавилон», «руины Иерусалима», «стены Иерихона» (Северная Европа) и т.п. (См.: [3. С. 256]).

Страх перед возвращением в мир разрывов предопределил практику жертвоприношений силам, удерживавшим мир от распада (политика «малых бед»). Он же порождал специфичное отношение к новациям, любой версии расширенного производства, существенным изменениям наличных условий, интенсификации жизни, развитию *perse*, проявлениям инакости, чужим, «чуждым» системам ценностей. И соответственно к новаторам, диссидентам, трикстерам, положение которых в обществе фактически было сродни статусу *пре-стунников*, то есть людей, переступающих некую запретную черту.

Основой благоденствия полагались стабильность и равновесие. Строительство грандиозных мегалитических сооружений, зиккуратов, пирамид, ирригационных комплексов, водохранилищ, зернохранилищ было действием, служившим – помимо побуждения к физическому воплощению сакрального конструкта – данной цели. В период «семи тучных коров» избыточная энергия аккумулировалась, ограничивая потенциал демографического либо социального взрыва. Наоборот, когда приходило время «семи тощих коров», в наличии были средства для поддержания численности населения и одновременно для купирования социальных турбулентностей. Однако люди – существа, по своему естеству порождающие перемены, время от времени – радикальные; человеческая природа плохо укладывалась в прокрустово ложе.

В лоне истории, таким образом, соприсутствуют и состязаются два социальных ритма:

1) синусоидальный – сопряженный с перманентным воспроизводством баланса, поддержанием неизменности традиций;

2) векторная динамика, усложненная нелинейностью, синкопами, фазовыми переходами – трансценденцией миропорядка, трансформацией норм и регуляций, имеющая следствием взрывной рост населения, расширенное воспроизводство, разнообразные, неоднозначные воплощения творческой новизны.

Смутный горизонт истории

Следующая форма сознания – мышление *диахронное* или линейное, «векторное» (*стрела времени*). Это распутанная нить Ариадны, выводящая людей из сновидческих объятий мандалы, проведя через многоугольные, спиралеобразные закоулки лабиринта. Метастазы идиосинкразии к будущему (прежняя аксиология времени) все же сохранялась в виде нисходящей траектории истории: от золотого века к железному и далее – к «гибели богов».

Данный тип мышления внятен и привычен, он одна из основ цивилизации. С генезисом хронологического вектора связано также понятие «осевого времени»: некой поворотной точки истории, после которой происходят многочисленные, серьезные перемены. Начиная приблизительно с VIII века до н.э. в средиземноморской ойкумене утверждается и развивается отлич-

ный от прежнего взгляд на мир: экзотерический и категориальный, рождаются формы устойчивой рефлексии – философия и наука (натурфилософия). Речь идет, прежде всего, о совершившей ментальный прорыв Древней Греции. Люди дерзновенно и критически (хотя до поры как бы «искоса») взглянули на угнетавший фатум, и, не отрицая неумолимость рока, противопоставили ему собственное деятельное промышление.

Продвижение от мифологического мышления к логическому, от целостного («драгоценной целостности») к формализованному, аналитическому («расплетенному»), то есть рассеченному философским скальпелем, было реализовано в Элладе. От мифопоэтического восприятия и непосредственности суждений человек совершил транзит к опосредованному знанию и рациональности отложенных целей (перемен). Был преодолен критический перекресток: развилка версий мировидения – и сделан далеко идущий выбор: предпочтение отдано дороге, уводящей от мистериального откровения и апофатического осмысления как универсального источника закона. (Отринутый путь был пройден, однако в другой части Средиземноморья, альтернативный историософский сдвиг и иной подвиг реализован другим народом – еврейским...)

Наряду с попыткой вскрыть анатомию рока эллинами отчуждались, инкапсулировались архаичные форматы собеседования с промыслом. Арбитром же и мерой вещей утверждался человек – земной очаг прометеяева огня. София обреталась мастерством (если не ремеслом) внутреннего либо коллективного диалога представителей особой породы, способной к необычному способу жизни: *bios theoretikos*, ставшему уделом дважды свободных людей. Философия, ее категориальный язык, ясная, внятная речь, ущемляла дельфийскую многозначность, обезличивала, деперсонализировала звездный атлас, а рациональная мистичность числовых экзерсисов подавляла энигматичную магию календаря, отмыкала глухие двери скрипичным ключом и выводила из ментального лабиринта предписанный алогичным, неумолимым фатумом круговорот событий.

Эпистемология становилась самостоятельной реальностью: топографией рассуждений, девальвирующей сакральность мандалической карты бытия.

Был создан когнитивный аппарат, обративший мир и его предметность в нечто иное: операциональное отражение – блестящий щит категорий и понятий, отделивший человека от гипнотического воздействия среды. Пространства рефлексии обрели картографию, которая в отличие от сакральной географии была практической аппликацией: инструментарием сборки ситуаций и проектирования замыслов (процесс сродни переходу от иероглифической формы письма к алфавитной). Осмысление бытия отстранялось от сновидений разума, где смешивались боги и люди, равноучаствуя в событиях. Через индивидуацию Одиссея и мучительные эксцессы релятивизма человечество переходило к формулированию законов – темперированных гармоник, октав взаимоотношения личности и рока. А затем – космологическо-

му деизму, рациональной онтологии, порождая «философию» как системную, диверсифицированную рефлексию о мире и населяющих его людях.

Невыразимая сложность бытия

Следующая формула сознания оказалась сложной для усвоения и освоения из-за антиномийной специфики. Это мышление *синергийное*.

Существует порог, некогда преодоленный человечеством, он связан с началом христианской эры – радикальной новацией по отношению к миру прежнему, традиционному, *античному*. Люди новой эпохи осознавали смену ситуаций, называя себя *moderni*, чтобы отличить от обитателей прошлого, ветхого мира – *antiqui*⁶. Позднее понятие Модерна приобрело иные акценты, фиксируя отличие Нового времени от Средневековья, а в истории культуры получило дополнительный смысл.

Общество, возникшее на миростроительной площадке, называлось по-разному: христианская, европейская, современная цивилизация или наша эра. Откуда же взялись поразительные творческие силы, позволившие за недолгий исторический срок преодолеть ограниченность прежней ойкумены, скудные времена, радикально преобразовать стиль жизни и облик планеты? Разница в конечном счете заключалась в появлении личности, осознающей себя образом и подобием Творца, творящего из ничего нечто. Личности, освобожденной от калейдоскопа дурной бесконечности и ярма предопределения. Личности, претендующей в пределе дерзновения стать по причастности к нетварным энергиям тем, чем Творец является по сущности. Степень страдания (порой отчаяния) обуславливается теперь не нарушением, искажением либо распадом порядка, но жаждой полноты бытия, взысканием абсолютного спасения, поиском пути для кардинальной, надвременной перемены участи. Иными словами, время обретает подвижный, разнонаправленный, персональный характер.

Христианская рациональность основана не на логике Аристотеля и предполагает отличный от античного маршрут постижения истины. Новое мышление, отточенное в ходе вселенских соборов, проявляется, прежде всего, в *тринитарном богословии* и *христологии*, развивается катафатическим и апофатическим богопознанием, продуцируя множество школ (включая еретические) и культурных течений: от *leysd'amors* (миннэ) Прованса до византийского исихазма. Специфика рефлексии – удержание в сознании, самом естестве антиномийной, пульсирующей природы миропорядка: живого

⁶ «Согласно Гарнаку, обобщившему верования этих ранних христиан, они были убеждены, что – “1) наш народ старше мира; 2) мир был сотворен ради нас; 3) жизнь мира была продолжена ради нас: мы отсрочили суд над миром; 4) все в мире подвластно и должно служить нам; 5) нам открыто все в мире: и начало, и течение, и конец всей истории, для наших глаз нет ничего сокрытого; 6) мы примем участие в суде над миром, а сами вкусим вечное блаженство”. Но главное убеждение ранних христиан состояло в том, что это новое общество, раса или народ были учреждены Иисусом Христом, который является его законодателем и Царем» [4. С. 48–49].

статуса знания, и приложение обретенной комплексности к опознанию Промысла в недрах существования.

Прежние форматы, впрочем, уживаются с обновленной, но сложной для освоения и обладания ментальностью: житейски обременительной перманентной трансценденцией бытия. Стрела времени, то есть линейная ориентация хронотопа, сохраняется как социальная доминанта, однако энтузиазм новой веры меняет ее смысл – история из процесса деградации превращается в код спасения: ресурс для восстановления и восхождения личности, что со временем находит отражение в концепции прогресса. Осваивая новый образ реальности, сочетая соборные решения с феноменологией городской революции, комплексное сознание мутирует, порождая ритмы современности.

* * *

Мы усталое солнце потушим,
Свет иной во вселенной зажжем. <...>
Молот разгневанный небо пробьет,
В неведомый край нам открыты ворота...

Андрей Платонов

К сожалению, за границами рассуждения осталась не только достаточно внятная синтетическая формула эклектичного мышления, сопряженная с рассеянной дискретностью клипового сознания, но также сознание, познавшее вкус плодов древа смерти – антургенейное: деструктивное, способное к беспредельному, неудержимому разрушению, обладающее историческим опытом [5], культурной потенцией, собственным мировидением – образом квазицивилизации смерти, «пира из мяса богов».

Данное мировосприятие, своего рода пессимистический энтузиазм, подобно тлеющему жару соприсутствуя «подлым слоем» в субстанции практики, способно в минуту социальной растерянности произвести стремительную реконфигурацию человеческой вселенной, что означало бы крах истории и *déjà vu* примордиальной регрессии: бегство от непереносимости бытия в бешенство и беспамятство экзистенции [6]. Взрастив, таким образом, зубы дракона, некогда посеянные в людском естестве...

Будущему еще предстоит столкнуться с иными, подчас обескураживающими, сжимающими и раздвигающими горизонт экзистенции прочтениями бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время: Очерки. – М., 1983.
2. Неклесса А. Глобальный Град: творение и разрушение // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира. – М.: Восточная литература, 2002.
3. Стародубцева Л.В. Метафизика лабиринта // Альтернативные миры знания. – СПб., 2000.

4. Христос и культура // Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. – М.: Юристъ, 1996.
5. Некlessа А. Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир // Цивилизация: восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. – М.: Наука, 2003.
6. Некlessа А. Цивилизация смерти // Эсхатологический сборник. – СПб.: Алетейа, 2006.

CHAPTERS FROM THE BOOK OF EARTHLY LIFE. KNOWLEDGE AND CONSCIOUSNESS

A.I. Neklessa

History can be perceived as the cumulative experience of humanity in comprehending being. The process of history has seen the formation and sophistication of consciousness and changes in the typology of thinking – above all, in the basic concept of chronotope. The article examines six types of thinking – reflex, synchronistic, vector, synergic, eclectic, and anturgenic thinking, each of which presupposes its own formula for improving life, its own world view and its own cultural, legal, political and economic regulation of practice. The role of the Great Turn is emphasized.

Key words: consciousness, thinking, chronotope, time, future, antiquity, Christianity, history, civilization.